

Город Забытых Чудес I

Часы,
которые
открывают двери

СТИВЕН КЬЮ

Стивен Кью

Часы, которые открывают двери

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73017197

SelfPub; 2025

Аннотация

Первая часть трилогии «Город Забытых Чудес» – история о том, как двое обычных детей делают шаг туда, где реальность встречается с мечтой. Лея и Артём находят необычные часы, которые открывают двери не в прошлое и не в будущее, а в мир, созданный силой человеческого вдохновения. Когда-то он сиял, но теперь начинает исчезать – вместе с мечтами людей. Чтобы спасти его, детям придётся пройти путь от любопытства к ответственности, от игры к выбору, который способен менять не только сказочный город, но и реальный мир вокруг.

Это тёплое, атмосферное детское фэнтези о дружбе, смелости чувствовать, праве мечтать и силе света внутри каждого. История полна приключений, мягкого юмора и тихой драмы, понятной детям и близкой взрослым. И это только начало большого пути: впереди – испытания, открытия и понимание того, что чудеса не рождаются из магии. Они рождаются из людей.

Стивен Кью

Часы, которые открывают двери

Глава 1 – Мир без чудес.

Город, в котором жила Лея, казался выцветшей картинкой, забытой на подоконнике. Когда-то, наверное, здесь были яркие вывески, весёлый смех и разноцветные зонтики под дождём, но теперь всё стало одинаковым. Дома тянулись серыми прямоугольниками, окна смотрели на улицу пустыми стеклянными глазами, а деревья вдоль дороги стояли, как старые солдаты, которым устали приказывать быть зелёными. Даже небо, казалось, выучило только два цвета: бледно-серый утром и тёмно-серый вечером.

Взрослые всегда куда-то спешили. Они шагали быстро, смотрели на часы, на телефоны, на свои сумки, но никогда – друг на друга. Иногда казалось, что они боятся поднять голову и случайно встретиться взглядом с небом. В лифтах они молчали, в автобусах молчали, в магазинах говорили только нужные слова: «Чек», «Сдача», «Следующий». Слово «мечта» в этом городе звучало так же странно и старомодно, как «граммофон» или «фаянсовая вазочка».

Лея любила слушать тишину города. Не ту, что бывает ночью, когда все спят, а дневную – шумную, но пустую. Маши-

ны гудели, двери хлопали, телефоны звонили, кто-то ругался в соседнем дворе, но всё это складывалось не в живую музыку, а в какое-то одно, длинное, уставшее «эээх». Казалось, если прислушаться, сам город вздыхает.

Утро у Леи начиналось всегда одинаково. Будильник звонил слишком рано, мама торопливо ставила на стол тарелку с кашей, сама параллельно дописывая что-то в телефоне. Папа пил кофе и смотрел в ноутбук так пристально, будто там вот-вот должна выскочить мышь. Они любили Лею, но их любовь тоже почему-то стала торопливой: вперёд, быстрее, не опоздай, не забудь, не отвлекайся.

– Мам, а ты в детстве мечтала кем-нибудь стать? – как-то спросила Лея, намазывая масло на хлеб.

Мама посмотрела на неё так, будто Лея спросила что-то странное:

– Конечно. Все дети мечтают. Но потом нужно выбирать то, что... – она поискала слово, – то, что полезно.

– А мечты разве не полезны? – тихо уточнила Лея.

Но мама уже встала из-за стола, поправляла пиджак и одновременно отвечала на сообщение. Папа сказал что-то вроде: «Будь реалисткой, Лей. Мир такой, какой есть», – и снова утонул в экране.

Лея ничего не ответила. Она не любила спорить, да и не умела. Внутри у неё просто немного потускнел тот самый тёплый огонёк, который она иногда чувствовала, когда думала о чём-то хорошем и невозможном.

По дороге в школу Лея часто представляла, что дома вокруг на самом деле заколдованные замки, а серый троллейбус – дракон, которого приручили и заставили возить людей. Но стоило ей об этом сказать вслух, как одноклассники начинали смеяться.

– Ты в каком году живёшь, Лея? – хихикала Маша с первой парты. – В сказки, что ли, веришь?

– В наше время надо думать о будущем, – важно добавлял Даня. – Какая ещё фантазия? Надо уже сейчас выбирать профессию. Мой папа говорит, что конкуренция...

После слова «конкуренция» Лея обычно переставала слушать. Это слово было из взрослого языка, того самого, где все предложения начинаются со слов «надо», «нужно», «обязан». В этом языке не было места словам «волшебство» и «чудо».

Единственным человеком, который не заставлял её чувствовать себя странной, был Артём. Он сидел с ней за одной партой, и у него была уникальная суперспособность: он мог превратить любую скучную минуту в смешную. Учительница только начинала говорить: «Откройте тетради и запишите тему урока...», – а Артём уже тихо шептал Лее:

– Сейчас нас будут учить, как правильно не жить.

Лея поджимала губы, чтобы не рассмеяться вслух. Артём всегда шутил так, чтобы слышала только она, но иногда его комментарии были настолько точными, что смех сам вырывался наружу. Тогда учительница строго поднимала брови:

– Лея, Артём, если вы считаете себя клоунами, можете пойти развлекать класс отдельно, но не мешайте тем, кто хочет учиться!

Класс, правда, не выглядел так, будто страшно хочет учиться. Скорее, все просто сидели и терпеливо ждали, когда уроки закончатся. Но никто не спорил. Не спорить было привычно, удобно и безопасно.

На уроке окружающего мира учительница повесила на доску плакат: «Планируй своё будущее!» и сказала:

– Дети, сегодня мы поговорим о профессиях. Важно, чтобы вы понимали: мечты – это хорошо, но они должны быть... какими?

– Реальными, – хором ответил класс.

– Полезными, – добавил Даня, как прилежный ученик.

– Принесущими доход, – вдруг выпалил кто-то с задней парты, и все засмеялись. Учительница тоже улыбнулась.

– Ну, можно и так сказать, – согласилась она. – Главное – никакой ерунды. Всякие там «хочу быть волшебником» или «мечтаю летать» оставьте для сказок. Мы живём в реальном мире.

Лея почувствовала, как её маленькая звёздочка внутри дрогнула. В детстве, когда она была совсем маленькой, она действительно мечтала летать. Не в самолёте, а самой – просто так, как птица или, может, как светлячок. Она никому об этом не говорила, но теперь, слушая учительницу, почувствовала, будто кто-то только что грубо захлопнул дверь в

её сердце.

– Лея, – неожиданно спросила учительница, – а ты кем хочешь стать?

В классе повернулись головы. Многие уже знали, что спрашивать такое у Леи – всё равно что нажимать кнопку «странный ответ». Она замялась, почувствовала, как к щекам подступает жар. На самом деле у неё не было точной профессии в списке. Она не мечтала быть врачом или юристом, или кем там ещё любят быть правильные дети. Ей хотелось... чтобы людям снова хотелось мечтать. Но как это объяснить?

– Я... не знаю, – честно сказала она. – Может быть... кем-то, кто... делает мир... светлее.

В классе повисла пауза. Затем кто-то прыснул со второго ряда. Маша закатила глаза, Даня презрительно фыркнул. Учительница вздохнула:

– Лея, мир делают светлее учёные, инженеры, врачи. Надо выбирать конкретную профессию. Это важно. Мечты – это хорошо, но давайте оставим их для творчества. Сейчас нам нужно серьёзно подумать о жизни.

Слово «серьёзно» упало на класс, как тяжёлый учебник. Кто-то заёрзал, но никто ничего не сказал. Лея опустила глаза в тетрадь и начала старательно выводить дату и тему урока. Буквы получались ровные, но внутри всё сжималось.

После урока к ней подскочил Артём.

– Слушай, – сказал он шёпотом, – «кем-то, кто делает мир

светлее» – это вообще лучшая профессия, какую я слышал. Нам бы всем такого начальника.

Лея невольно улыбнулась:

– Надо было сказать «буду лампочкой», – вздохнула она.

– Или фонарным столбом, – оживился Артём. – Представляешь: «Здравствуйте, меня зовут Лея, и я ваш личный источник света и вдохновения». У вас тут скучно? Сейчас всё исправим!

Они оба засмеялись, и на мгновение в воздухе между ними что-то дрогнуло, будто в серой комнате зажгли маленькую молнию. Но смех быстро стих: по коридору уже шла учительница математики с пачкой тетрадей – а это значило, что время мечтаний завершено. Приближались дроби, формулы и строгие замечания.

В школе было не то чтобы плохо. Просто... всё было одинаково. Каждый день начинался одинаковыми словами, с одинаковых звонков, перемен, домашних заданий. Иногда Лее казалось, что она живёт в огромных часах: стрелки идут, уроки сменяют друг друга, люди ходят по кругу, а что-то по-настоящему важное проходит мимо.

На большой перемене Артём, как обычно, устроил мини-представление. Он изображал учителя истории, который вечно путал даты, и весь класс смеялся. Даже те, кто утром дружно повторял «мечты – это несерьёзно», теперь хлопали по столам и свистели от восторга. Учитель истории в это время, конечно, был в учительской и понятия не имел, какую

карьеру актёра ему только что организовали.

Лея тоже смеялась. Но где-то в глубине души она видела, как улыбка Артёма слегка дрожит, когда он отворачивается. Как иногда он умолкает резко, будто кто-то выключил звук. Как его глаза становятся очень серьёзными, когда он смотрит в окно.

После уроков они вместе шли домой. Дворы были похожи один на другой: одинаковые качели, одинаковые лавочки, одинаковые объявления на стенах подъездов: «Собрание жильцов», «Оплата до пятнадцатого числа», «Услуги ремонта». Никаких афиш чудес, никаких приглашений «заглянуть туда, где возможно всё». Только «строго запрещено», «осторожно», «проход закрыт».

– Слушай, – сказал Артём, балансируя на бордюре, как гимнаст на канате, – а ты когда-нибудь видела в этом городе хоть что-нибудь настоящее... ну, необычное? Чтобы прям дух захватило?

Лея задумалась. Она вспомнила радугу над домами, но тогда все просто достали телефоны и начали её фотографировать, а потом быстро забыли. Вспомнила, как один раз зимой снег лёг такими красивыми узорами на стекле, что она полчаса рассматривала их. Но папа сказал: «Не отвлекайся, мы опаздываем». И рисунки на стекле растаяли.

– Нет, – честно ответила она. – Только в книгах.

– Вот и я тоже, – вздохнул Артём. – Такое ощущение, что все чудеса где-то там, по адресу «в другой жизни».

Лея ничего не сказала. Она просто крепче сжала лямку рюкзака и вдруг очень ясно почувствовала: что-то в этом мире неправильно. Не так, как «забыл сделать домашку» или «опоздал на автобус». Глубже. Словно кто-то когда-то выключил главный выключатель чудес, и теперь все ходят в полумраке и делают вид, что им так удобно.

Она не знала, что именно не так, и уж точно не знала, кто мог бы это исправить. Она была всего лишь девочкой из обычного города, где обычные люди живут обычной жизнью. Но где-то вдалеке, за серыми домами, за расписанием уроков, за списком «полезных профессий» что-то тихо звало её – еле слышно, как шёпот через закрытую дверь.

Вечером город становился ещё тише, хотя, казалось бы, наоборот – машины ехали, люди возвращались с работы, магазины светились, автобусы стонали на остановках. Но эта суэта была какая-то пустая, как шум телевизора, который включили просто для фона. Лея шла домой вместе с мамой, слушала её быстрый голос о делах, отчётах, созвонах, и всё время думала о том, что никто ни о чём не мечтает. Все только обсуждают, что нужно, что выгодно, что правильно. Прото, что хочется – никто не говорит. Как будто это слово здесь запрещено.

Дома всё было тоже очень правильно. Чисто, аккуратно, по расписанию – ужин в семь, уроки, душ, спать. Мама внимательно проверила дневник, похвалила за пятёрку, вздохнула за четвёрку, строго посмотрела на одну «почти троеч-

ку», и снова началась речь о будущем, о том, как важно стараться. Лея кивала. Она понимала, что родители желают ей добра, но от этого легче не становилось. Иногда ей хотелось, чтобы мама вдруг села рядом на кровать и сказала: «А давай просто немного помечтаем? Представим, будто мир может быть другим». Но такого никогда не происходило.

Лея легла, выключила свет и долго смотрела в потолок. Там не было ни звёзд, ни сияния, только бледные тени мебели и кусочек света из коридора. Она попыталась придумать себе что-нибудь тёплое и хорошее, как это делала раньше, когда была младше: что стены комнаты могут расступиться, и за ними окажется что-то удивительное; что окно может открыться не в двор с одинаковыми домами, а куда-нибудь, где небо действительно синее и глубокое. Но воображение словно ленилось. Оно тоже устало, как взрослые, и не хотело работать. Мир будто говорил: «Не выдумывай. Так устроено. Привыкай».

На следующий день школа встретила Лею тем же запахом мела, тетрадей и скуки. Уроки шли один за другим, звонки звучали одинаково, как старые будильники. Учительница литературы рассказывала о произведении, в котором когда-то герой мечтал изменить свою жизнь, а потом всё равно выбрал «как принято». И дети кивали: ну да, логично, вот так и надо. Никто даже не заметил, как тихо и незаметно мечта в этой истории умерла.

– А если бы он всё-таки рискнул? – вдруг спросила Лея,

сама удивившись, что сказала это вслух.

В классе повисла секундная тишина. Учительница приподняла бровь:

– Тогда бы у него, скорее всего, ничего не получилось. Жизнь – это не сказка, Лея. В ней решения нужно принимать не сердцем, а головой.

Сердцем... это слово вдруг стало таким редким, будто его вообще не используют. У одноклассников даже лица стали чуть скучнее, будто им ещё раз объяснили, что надеяться – вредно. Артём, сидевший рядом, толкнул Лею локтем и тихо прошептал:

– Всё, Лея. Сердце отменили. С сегодняшнего дня действует только официально утверждённая логика.

Она улыбнулась, но улыбка вышла грустной. Иногда казалось, что Артём шутит, потому что иначе нельзя. Если перестанет – станет слишком больно. У него дома тоже было «правильно». Строгий папа, вечно занятая мама, разговоры про оценки, про успех, про серьёзные вещи. А где-то внутри – мальчик, который хотел смеяться просто так, без причины.

После школы они пошли вместе, как всегда. На улице было пасмурно, и ветер носил по асфальту бумажки, как забытые кусочки чужих жизней. Артём шагал, балансируя на бордюре, но в этот раз почему-то молчал. И неожиданно сказал:

– Слушай, если наш город когда-нибудь забудет окончательно всё, что связано с чудесами... как ты думаешь, он исчезнет? Или просто станет ещё серее?

Лея задумалась.

— Мне кажется... — она сказала осторожно, — он уже начинает исчезать. Только не здания и не улицы. А вот то, что внутри людей.

Артём кивнул. И больше они не шутили.

Вечером Лея снова сидела у окна своей комнаты. За стеклом горели одинаковые жёлтые окна других домов. Люди ужинали, злились, смотрели новости, спорили о чём-то важном и одновременно пустом. Где-то во дворе гудела машина, кто-то громко ругался, кто-то торопился, кто-то бежал. Всё казалось бесконечной суетой без смысла.

Но вдруг Лея почувствовала странное ощущение. Очень лёгкое, как будто в комнате прошёл тихий невидимый ветер. Она оглянулась — ничего. Комната та же. Книжки на полке, мягкая игрушка на подушке, тетрадь на столе. Только внутри... словно кто-то тихо постучал в дверь её сердца.

Странно. Она даже прислушалась — не ушами, а чем-то глубже.

Никакого звука. Только мысль, будто не её: мир действительно потерял волшебство. И если никто ничего не сделает... так и останется навсегда.

Лея не знала, откуда это чувство. Она не знала, почему вдруг захотелось встать, подойти к зеркалу и посмотреть на себя — не как на обычную школьницу, а как на человека, который может что-то изменить. Это казалось глупым. Это казалось невозможным. Но вместе с этим было удивительно

правильным.

Где-то в другом конце города Артём тоже долго не мог уснуть. Он лежал в темноте и смотрел в потолок, который был похож на чёрное небо без единой звезды. Он тоже чувствовал странную пустоту. Будто мир стал каким-то слишком плотным, закрытым и тесным, как комната без дверей. И где-то глубоко внутри он думал то же самое, что и Лея: так не должно быть. Так не честно с детьми, с людьми, со всем миром.

Ни Лея, ни Артём ещё не знали, что очень скоро в их жизни появится дверь, о существовании которой никто не подозревал. Дверь, которая не должна была открываться. Дверь, за которой спрятан не страх и не пустота, а настоящее чудо. Но пока что они были просто двумя детьми в очень усталом городе, где мечты считались глупостью, а чудеса – выдумкой. И именно в таком мире обычно и начинаются самые настоящие сказки.

Глава 2 – Необычная находка.

В тот день всё начиналось как обычно, а значит – скучно. Уроки, звонки, очередные разговоры о важном и полезном, о будущем, которое нужно запланировать заранее, как поездку на дачу. Но у судьбы иногда странное чувство юмора: самые необычные истории любят начинаться именно в такие дни, когда ты меньше всего готов к чуду. Никто в школе не подозревал, что за одной неприметной дверью, куда обычно никто не заглядывал, прячется вещь, способная изменить не

только жизнь двух детей, но и судьбу целого мира.

После уроков Лея собиралась идти домой, но учительница попросила её занести старые тетради на чердак школы. Чердак – это было слово из другой жизни, немного пыльное, старомодное и... загадочное. Никто из детей туда не ходил. Это место существовало где-то рядом с реальностью, но не принадлежало ей полностью. Там жили забытые вещи: коробки, старые карты, поломанные парты, плакаты с выцветшими словами «Знание – сила!». Лея всегда тихо мечтала туда попасть, но никогда бы не призналась в этом – слишком странно звучит, правда? «Я хочу на чердак». Какая польза? Никакой. А значит – неважно. Но её маленький тайный огонёк внутри тихо вспыхнул от предвкушения.

– Только аккуратно, – сказала учительница, вручая ей ключ. – Там темно. И ничего не трогай лишнего.

Это «ничего не трогай» прозвучало особенно заманчиво. Как будто мир специально подмигнул Лее.

Артём, конечно, не мог такое пропустить.

– Чердак? – его глаза загорелись. – Ты серьёзно? Ты туда одна не идёшь.

– Артём, меня просто попросили... – начала Лея, но договорить не успела. Он уже шёл рядом.

– Просто попросили? Лея, запомни, ничто великое в истории не начиналось словами «просто занеси тетради». Это судьба. Это шанс. Это... – он сделал пафосную паузу. – Это приключение!

Лея улыбнулась. В глубине души она думала примерно то же самое.

Дверь на чердак была старая, деревянная, с облупившейся краской. Когда ключ повернулся в замке, что-то тихо хрустнуло – будто дверь не просто открывалась, а просыпалась после долгого сна. Запах пыли, старой бумаги и чего-то тёплого, ностальгического сразу накрыл их, как одеяло из прошлого. Лея сделала первый шаг. Доски под ногами протяжно скрипнули. Артём зашёл следом и подозрительно огляделся.

– Если отсюда сейчас вылетит привидение старого директора – я сначала испугаюсь, потом обязательно пошучу, – прошептал он.

Чердак оказался удивительно большим. Свет из маленького окна пробивался тонкими золотыми полосками, в которых плавали пылинки, похожие на маленькие звёзды. Вдоль стен стояли коробки, шкафы без дверей, старые глобусы, сломанные стулья, плакаты с улыбками давно забытых пионеров. Всё это выглядело... не просто старым. Скорее – заброшенным. Как будто когда-то здесь кипела жизнь, звучал смех, что-то придумывали, мечтали, а потом однажды всё это закрыли, выключили свет и ушли. И никто не вернулся.

– Знаешь, – тихо сказала Лея, – здесь как будто сохранились чужие мечты. Такие, которые никому больше не нужны.

Артём перестал улыбаться.

– Да... – мягко согласился он. – Здесь очень похоже на музей тех, кто когда-то верил.

Лея поставила тетради на огромный письменный стол, покрытый слоем пыли, как снежным покрывалом. Но вместо того чтобы сразу уйти, она почувствовала странное, притягивающее ощущение, словно кто-то позвал её. Не громко, не словами – просто лёгким тёплым тянущим чувством где-то внутри груди. Это было похоже на то странное «постукивание сердца», которое она почувствовала вчера вечером у окна.

Она оглянулась. Вроде ничего особенного. Но взгляд вдруг сам остановился на старом шкафу в углу. Он был деревянный, высокий, с треснувшим стеклом. На нём висела табличка с выцветшими буквами: «Музей истории школы». Кажется, когда-то здесь действительно была небольшая выставка. Теперь это был пыльный ящик с забытым прошлым.

– Подожди немного, – шепнула Лея, сама не понимая зачем. – Я хочу... посмотреть.

– Конечно хочешь, – кивнул Артём. – Это же чердак! Тут по правилам жанра обязательно что-то магическое лежит. Или хотя бы страшная кукла без глаза.

Он попытался улыбнуться, но голос у него прозвучал тихо. Внутри у него тоже жило ощущение, что сейчас случится что-то необычное.

Лея осторожно открыла шкаф. Дверца тихо застонала, словно ворчала, что её разбудили. Внутри были старые фотографии выпускников, пожелтевшие грамоты, засушенные венки с торжественных праздников, потрёпанная лен-

та «Лучший класс». Она провела пальцами по пыли — и вдруг заметила на самой верхней полке маленькую коробочку. Обычная. Деревянная. Неброская. Но... такая притягательная, что от неё невозможно было отвести взгляд.

— Артём... — шепнула Лея, — видишь?

— Вижу, — так же тихо ответил он. — И мне очень не нравится, как она на нас смотрит.

— Она не смотрит, — выдохнула Лея. — Она ждёт.

Она потянулась и аккуратно сняла коробку. Она была удивительно тёплой, будто пролежала не в холодной пыли, а у кого-то в руках. На крышке было вырезано что-то вроде тонкого узора — переплетение линий, похожих на стрелки. Без слов, без пояснений, но с какой-то особенной важностью.

— Открывай, — прошептал Артём, хотя это звучало одновременно как приглашение и как «пожалуйста, не делай этого».

Лея медленно подняла крышку.

Внутри лежали часы.

Не наручные. И не настенные. Карманные, старинные, на цепочке. Корпус из потемневшего металла с золотистыми бликами, стекло не мутное, наоборот — будто только что отполированное. Стрелки стояли. Но самое странное было даже не в их виде. Часы... были тёплые. Настоящие, живые, как ладонь человека. Лея осторожно взяла их — и на секунду ей показалось, что они чуть-чуть вздохнули.

— Ого... — только и смог выдохнуть Артём. — Лей, брось

их обратно. Немедленно. Это слишком... настоящее.

Лея не могла. В тот момент, когда её пальцы коснулись холодного на вид, но живого на ощупь металла, она почувствовала, как где-то глубоко внутри неё вспыхнула искра, о которой она давно забыла. Не страшная, не опасная – наоборот, тёплая, как если бы кто-то очень осторожно положил ей на сердце маленький светящийся фонарик.

– Смотри, – прошептала она. – Они не просто старые. Они... будто помнят что-то.

Часы слегка вибрировали, как будто в них билась крошечная птичка. На циферблате было много странных символов: не только цифры, но и крошечные знаки, похожие на звёзды, молнии, капли дождя, искры. И где-то между ними – маленькая незаметная кнопка, так искусно спрятанная, что её легко было бы не заметить.

Артём приблизился настолько, что их плечи соприкоснулись.

– Ты чувствуешь? – спросил он еле слышно.

– Да... – ответила Лея. – Они как будто живые.

В комнате стало тише. Даже скрип досок как будто затаялся. Луч света из окна упал прямо на часы, и циферблат слабым, почти неуловимым образом вспыхнул. Артём осторожно вытянул палец, собираясь просто чуть-чуть повернуть часы, чтобы получше рассмотреть... и его палец случайно задел ту самую крошечную кнопку.

Щёлк.

И мир перестал быть прежним.

Щёлк.

И мир действительно будто на миг задержал дыхание.

Луч света, падавший из маленького окна на чердаке, замер, как фотография. Пылинки, которые ещё секунду назад тихо кружились, повисли в воздухе неподвижно, словно их кто-то остановил на полпути. Скрип досок стих. Даже далёкий шум школьного коридора вдруг стал каким-то глухим, как через толстое одеяло.

А потом Лея услышала это.

Тихое, осторожное, но очень уверенное: тик-так... тик-так... тик-так...

Часы, которые до этого молчали, как музейный экспонат, вдруг ожили. Стрелки медленно дрогнули и пошли, сначала неуверенно, как человек, который слишком долго сидел и наконец встал, а затем ровно, ритмично. От корпуса часов по ладони Леи разлилось мягкое тепло, будто она держала не железо, а сердечко маленького животного.

– Ты это слышала? – прошептал Артём, хотя ответ был слишком очевиден.

– Кажется, да, – так же шёпотом ответила Лея. – Они... тикают.

– Они не просто тикают, – возмутился вдруг кто-то. – Они работают! И, между прочим, делают это довольно достойно, учитывая обстоятельства.

Лея и Артём вздрогнули так, будто кто-то вылил им за

шиворот ведро ледяной воды. Они оглянулись по сторонам, ожидая увидеть кого угодно – учителя, уборщицу, привидение завуча, – но на чердаке никого не было. Только вещи, пыль и они двое.

– Ты... это слышал? – одними губами спросила Лея.

– Нет, мне просто послышалось, как ковер заговорил, – так же беззвучно ответил Артём. – Конечно, слышал!

– Советую смотреть не по сторонам, а туда, где центр событий, – донёсся тот же голос, теперь немного раздражённый. – Обычно он прямо у тебя в руках.

Лея медленно опустила взгляд. Часы у неё на ладони слегка приоткрыли крышку сами, без всяких усилий. Циферблат смотрел на неё, как один большой блестящий глаз. Стрелки двигались уже совсем уверенно. А из маленькой щёлочки между корпусом и стеклом исходил тот самый голос – негромкий, с лёгкими металлическими отзвуками, но живой и очень... характерный.

– Итак, – торжественно произнесли часы, – кто меня разбудил?

Артём рефлекторно спрятался за плечо Леи, что выглядело особенно забавно, учитывая, что он был выше. Лея хотела положить часы обратно в коробку, захлопнуть её и сделать вид, что ничего не произошло, но что-то удержало её. То ли то самое тепло металла, то ли любопытство, которое проснулось в ней сильнее страха.

– Мы... – тихо сказала она. – Я. То есть... мы оба.

– А конкретнее? – голос в часах слегка ускорился, как стрелки при спешке. – Имя, фамилия, класс, любимый предмет, отношение к чудесам? Хотя последнее можно и по глазам прочитать.

Артём, несмотря на дрожь в коленках, не выдержал:

– Извините, а вы часто задаёте допрос людям, которых видите впервые? Может, для начала представитесь?

Часы тихо фыркнули. Да, именно фыркнули. Видимо, даже у предметов может быть характер.

– Наконец-то кто-то вспомнил о правилах вежливости, – проговорил голос. – Ладно. Формально: карманные часы, модель не для скучных, изготовлены в единственном экземпляре. Фактически... – стрелки на секунду замерли и резко дернулись вперёд. – Можете звать меня Мистер Секунда.

– Мистер... кто? – переспросила Лея.

– Секунда, – повторили часы с достоинством. – Не Микросекунда, не Вечность, не какая-нибудь там Кукушка, а вполне уважавшая себя единица времени. Хотя, если хотите, можно просто Мистер. Или Господин Тик-Так. Но я предпочитаю всё-таки Секунду.

Артём осторожно выглянул из-за Леи.

– Вы... то есть ты... – он запутался в обращении, – ты... живой?

– Вопрос философский, – задумчиво ответили часы. – Но я говорю, думаю и ужасаюсь тому, что вижу, значит, по меркам вашего мира – вполне живой. А вот у меня к вам вопрос:

что вы здесь делаете, малыши?

– Мы... – Лея сглотнула. – Я... Мы тетради заносили. На чердак. Учительница попросила.

– О, великая миссия! – воскликнул Мистер Секунда. – Спасение человечества откладывается, у нас сегодня операция «Перенос учебной макулатуры». Какой эпохальный, я бы даже сказал, бумажный поворот!

Артём не удержался и хмыкнул.

– Слушай, ты мне нравишься, железный. Ты почти как я, только без ног.

– Зато у меня есть стрелки, которые всегда знают, куда двигаться, – не остался в долгу Мистер Секунда. – В отличие от некоторых болтунов. Но сейчас не время для обмена комплиментами. Я спал... очень долго. И если меня разбудили, значит, произошло что-то, чего нельзя игнорировать.

Лея почувствовала, как у неё внутри лёгкое волнение превратилось в дрожащий шарик тревоги.

– А... что произошло? – осторожно спросила она.

Часы замолчали. Тиканье стало чуть громче, серьёзнее, словно они собирались с мыслями.

– То, чего вы, люди, давно боялись, но старательно делали вид, что всё в порядке, – наконец произнёс Мистер Секунда. – То, о чём вас предупреждали сказки, истории, легенды, но вы решили, что это всё «детство» и «малышня». Чудеса исчезают.

Слова повисли в воздухе, как тяжёлые капли.

Лея не сразу поняла, как на это реагировать. С одной стороны, это звучало... красиво. Почти как начало книги. С другой – слишком похоже на то, что она сама чувствовала последние месяцы.

– Как это... исчезают? – шепнула она. – Они же... и так... как будто...

– Вот именно, «как будто», – резко перебил её Мистер Секунда. – Сначала люди перестали в них верить. Потом перестали о них говорить. Потом перестали о них думать. И в какой-то момент чудеса решили, что, наверное, их здесь больше не ждут, и начали уходить. Не хлопая дверьми, не устраивая сцен. Просто тихо, по одному.

Артём нахмурился:

– Это как, если тебя не зовут на день рождения, ты и не приходишь, да?

– Наконец-то пример, достойный местной школьной культуры, – буркнули часы. – Да, примерно так. Только здесь речь не о торте и шариках, а о том, что мир стал... плоским. Обычным. Без вариантов.

Лея сделала шаг ближе к окну. С чердака город был виден как на ладони – серые крыши, ровные улицы, окна-ячейки. Всё то же самое, что она видела каждый день, но теперь от этих видов повеяло какой-то пустотой, будто сверху на них легло невидимое стекло.

– Я... чувствую, – неожиданно сказала она. – Правда. Как будто всё здесь... устало.

– О, у нас тут особо чувствительное устройство, – мягко сказал Мистер Секунда. – Это хорошо. Без таких, как ты, я вообще бы не проснулся. А теперь – главное.

Стрелки на циферблате вдруг замерли на одном месте, потом резко пошли назад, вперёд, словно крутились вокруг невидимой точки. Лея почувствовала лёгкое покалывание в пальцах, будто по её ладони пробежали крошечные искорки.

– Есть место, – продолжил часы уже совершенно другим тоном, больше не ироничным, а серьёзным, – которое называется Город Чудес. Не в ваших учебниках, не на ваших картах. Оно существует между временем и реальностью, в тех уголках мира, где ещё живут мечты. Этот город долгие годы питался вашими «я хочу», «я верю», «а вдруг получится». Но сейчас он умирает. Медленно, но верно.

– Умирает... город? – переспросил Артём, и в его голосе впервые за долгое время не было ни одной шутки.

– Да, – подтвердил Мистер Секунда. – Улицы гаснут. Дома становятся прозрачными. Жители исчезают, как сны утром. Потому что те, кто их когда-то придумал, перестали в них верить. Каждый забытый рисунок, каждое несбывшееся «когда-нибудь» откусывает от этого города кусок. И если ничего не сделать... он исчезнет окончательно. А вместе с ним исчезнет последняя дверь, через которую чудеса ещё могут возвращаться к вам.

На чердаке стало так тихо, что было слышно, как где-то далеко внизу закрывается дверь кабинета. Лея чувствовала,

как у неё внутри что-то одновременно сжалось и развернулось. Всё, что говорил Мистер Секунда, было похоже на сказку, но... слишком точно попадало в то, что она сама думала о мире. Словно кто-то наконец вслух сказал то, что давно лежало у неё в сердце.

– А мы... причём тут мы? – спросила она почти виновато. – Мы же... просто школьники.

– В этом ваш главный недостаток и ваше главное преимущество, – вздохнули часы. – Взрослые слишком заняты важными делами, чтобы заметить, как умирает чудо. Они умеют считать проценты, но не умеют считать звёзды. А вот вы ещё помните, как это – смотреть в окно и ждать чего-то, даже не зная чего именно. Поэтому, нравится вам или нет, но...

Стрелки вдруг выстроились ровно на одной отметке, словно подчеркивая каждое слово.

– Чудеса исчезают. Город Чудес умирает. И если вы хотите его спасти... вам понадобится смелость.

Лея вскинула глаза. Артём тоже. Они обменялись взглядом – коротким, но очень понятным. В этом взгляде не было уверенности, что они готовы или что всё получится. Там были страх, удивление, растерянность. Но под всем этим жила маленькая, упрямая искра: а вдруг... да?

– Почему именно мы? – всё-таки спросил Артём. – Я, конечно, классный, но планета большая. Неужели прямо никого больше не нашлось?

Мистер Секунда тихо рассмеялся – его смех прозвучал

как быстрое тиканье.

– Откуда вы люди взяли, что чудеса раздают задачи всем подряд? – мягко ответил он. – Иногда достаточно двух детей на пыльном чердаке, чтобы мир начал меняться. Главное – чтобы у них внутри ещё не всё погасло. А у вас... – он коротко звякнул цепочкой, – ещё горит.

Лея посмотрела на часы и почувствовала, как где-то глубоко-глубоко в груди опять зашевелилась та самая звёздочка, которую она почти считала потушенной. Она ещё не знала, что такое настоящая смелость, и не была уверена, что у неё она есть. Но от мысли, что где-то там, по ту сторону времени, умирает Город Чудес, стало так больно, как будто кто-то пытался стереть её любимую книгу.

– Если... если мы согласимся, – произнесла она едва слышно, – что нам нужно делать?

Мистер Секунда пару секунд молчал, тикая особенно громко, как барабан перед объявлением приговора. Затем строго, но с ноткой улыбки сказал:

– Для начала – не уронить меня. А потом... потом мы откроем дверь, которой в вашей школе никогда не существовало.

Глава 3 – Дверь, которой не существует.

На чердаке стало по-настоящему тихо. Не той обычной тишиной, когда просто никто не говорит, а совсем другой – густой, плотной, как мягкое одеяло, которым накрывают мир перед тем, как рассказать очень важную тайну. Лея стояла,

крепко сжимая в ладонях Мистера Секунду, и не могла понять, дрожат ли часы, или это дрожат её руки. Артём стоял рядом и выглядел так, будто одновременно хочет убежать и остаться навсегда.

– Итак, – сказал Мистер Секунда так спокойно, будто приглашал их не в неизвестность, а на экскурсию. – Если город умирает, если чудеса исчезают, то логично предположить, что нам с вами туда нужно попасть. А попасть туда можно, как вы понимаете, не через обычную дверь. Обычные двери ведут в столовые, кабинеты, скучные взрослые разговоры и вечно одинаковые будни. Нам нужна... особенная.

– И где её взять? – осторожно спросил Артём. – На чердаке, конечно, много странного, но «дверь в другой мир» в списке школьного инвентаря вроде не числится.

– Она уже здесь, – уверенно ответили часы. – И всегда была. Просто вы её не замечали. Чудеса редко висят на табличках.

Лея огляделась. Чердак был всё тот же – пыльные коробки, старые плакаты, забытые школьные вещи. И вдруг она поняла, что смотрит совсем не на вещи. Она смотрит – в ожидании. Как будто весь этот беспорядок стал декорацией, за которой вот-вот должен открыться настоящий мир, а они находятся прямо перед сценой.

– Ищите, – мягко сказал Мистер Секунда. – Но не глазами. Глаза привыкли видеть только то, что им удобно. Слушайте сердцем. Оно знает дорогу лучше любой карты.

Лея невольно улыбнулась. В обычной школе за такие слова учителя бы точно поставили два по логике. Но здесь, на этом чердаке, фраза вдруг звучала очень правильно. Она сделала несколько шагов вперёд. Медленно. Тихо. Осторожно. Будто боялась спугнуть что-то живое.

Каждый её шаг будто отзывался где-то внутри. Она проходила мимо старого глобуса, по которому кто-то когда-то проводил пальцем, мечтая об огромных неизведанных странах. Мимо пожелтевших фотографий, где дети смеялись так свободно, будто у них впереди бесконечность возможностей. Мимо плакатов, которые когда-то обещали «большое будущее». И каждый предмет тихо шептал: «Мы когда-то были мечтой». И в этом шёпоте было что-то такое тёплое и грустное, что Лее захотелось их обнять.

А потом она увидела её.

Сначала – просто кусочек стены. Самый обычный, ничем не выделяющийся. Никакой яркой таблички, никакой ручки, никакой надписи «вход в приключение». Но Лея ощутила, как внутри всё резко напряглось, как струна, которую неожиданно задела. Она сделала шаг ближе. Стена была в тени. Пыль на ней лежала ровным слоем, как снег. И всё же... что-то там было не так.

– Стой, – шепнул Артём, хотя сам не знал, зачем шепчет. – Она ведь просто... стена?

– Самые важные двери всегда притворяются стенами, – спокойно сказал Мистер Секунда. – Иначе через них ходили

бы все подряд.

Лея протянула руку. Кожа на ладони ощутила прохладу... и вдруг неожиданный отклик. Не как у кирпича, не как у дерева. Скорее – как у воды перед тем, как её коснуться. Словно стена не была стеной до конца. Словно она ждала, что кто-то посмеет дотронуться.

Часы коротко звякнули, стрелки на секунду пошли быстрее, потом выровнялись.

– Нашли, – удовлетворённо сказал Мистер Секунда. – Поздравляю. Это неофициально самая неподходящая дверь в мире. Её не существует ни в одном плане здания. Её никто никогда не строил. Но она есть.

– И куда она ведёт? – спросил Артём. – Только не говори «узнаете по пути». Я это терпеть не могу.

– Узнаете по пути, – радостно сообщил Мистер Секунда. – Потому что если бы вы знали заранее, в этом не было бы ни капли настоящего приключения.

Лея глубоко вдохнула. Стена тихо дрожала под её пальцами, как живая. Она на секунду зажмурилась. Вспомнила мамино строгое «надо быть серьёзной», папино «будь реалисткой», учительское «мечты – это несерьёзно». И вдруг очень ясно поняла, что если сейчас отдёрнет руку и уйдёт, то всю жизнь будет чувствовать ту пустоту, которая и так жила с ней последнее время. А если рискнёт...

– Лей, – тихо сказал Артём, и в этот раз в его голосе не было ни капли шуток, – если хочешь – я с тобой. Если не

хочешь – я всё равно с тобой. Только скажи.

Она посмотрела на него. И в его глазах увидела то же самое, что чувствовала сама: страх, но за ним – свет. Маленький, но настоящий. И этого было достаточно.

– Мы вдвоём, – сказала она.

– Вдвоём, – кивнул он.

В этот момент мир начал меняться.

Сначала – звук. Он замедлился. Шорохи стали вязкими, как мед. Далёкие голоса снизу растянулись, будто кто-то тянул их за хвост. Сердцебиение стало слышно отчётливо – их двоих и ещё одно, странное, часовое: тик-так... тик-так...

Потом – цвет. Серые тона начали будто расползаться, терять резкость. Белёсый свет из окна стал немного золотым. Тени перестали быть просто тёмными – они вдруг стали глубокими, как если бы за ними скрывалось нечто большее, чем просто угол комнаты.

И, наконец, пространство. Чердак перестал быть просто комнатой под крышей. Вещи слегка разъехались, словно отступили, давая место чему-то большему. Воздух стал плотнее, насыщеннее, как перед грозой, только вместо страха в нём ощущалось ожидание.

– Не бойтесь, – тихо сказал Мистер Секунда. – Это просто мир вспоминает, что он умеет быть другим.

Стена перед ними изменилась первой. Пыль с неё будто слетела сама собой, и на её поверхности проступили тонкие линии. Они сплетались, закручивались, образовывали

узор, похожий на карту, часы, звёзды – всё сразу и ничего определённого. И в центре узора проявились контуры двери. Сначала слабые, как воображение. Потом – всё яснее. И вот уже можно было увидеть раму, едва заметную ручку, кое-где неровности, будто её вырезали не плотники, а сама реальность.

– Вот она, – прошептал Артём. – Дверь... которой не должно быть.

– Дверь, – подтвердили часы. – И не просто дверь. Это граница. Между «как есть» и «как может быть». Между привычным и настоящим. Между миром, который устал, и миром, который ещё хочет жить.

Лея вдруг поняла, что её сердце колотится так сильно, что она слышит его почти как отдельный звук. Страшно? Да. Невероятно? Да. Правильно? Почему-то тоже да. Как будто всё, что она чувствовала последние месяцы, готовилось именно к этому моменту.

– Если мы туда войдём... – осторожно начал Артём. – Мы сможем вернуться?

Мистер Секунда помолчал.

– Скорее всего, да, – честно ответил он. – Но вернётесь ли вы прежними – вопрос другой.

Артём усмехнулся, но как-то по-взрослому.

– Препными, кажется, быть уже поздно.

Лея протянула руку к ручке. Металл был прохладным. И в то же время живым – будто дверь чувствовала её прикос-

новение и вздрогнула. На долю секунды Лея закрыла глаза. Она знала: сейчас – та граница, когда можно ещё передумать. Разжать пальцы. Сказать: «Извините, я не готова, я просто школьница, я не герой книг». И всё снова станет как раньше. Серо. Скучно. Правильно.

Она открыла глаза.

– Я готова, – сказала она неожиданно твёрдо.

– Тогда не задерживайтесь, – сказал Мистер Секунда уже без шуток. – Время – штука упрямая. Оно не любит тех, кто вечно сомневается.

Она посмотрела на Артёма.

– Готов?

Он кивнул.

– Если мы сейчас не пойдём, я себе этого не прощу, – сказал он. – И потом, вдруг там дадут нормальную еду без столовой котлеты?

Лея тихо рассмеялась. Смех получился лёгким, как вдох. В самый страшный момент Артём снова подарил ей именно то, что нужно – чуть-чуть света.

Она сжала ручку крепче.

И дверь, которой не существовало ни в одном школьном плане, которую никто никогда не строил и которую никто, кроме них, не увидел бы... слегка дрогнула. Как будто тоже набралась смелости.

– Раз... – шёпотом сказала Лея.

– Два... – добавил Артём.

И на «три» они толкнули её.

Дверь не просто открылась – она как будто выдохнула. Сначала из щели вырвался тонкий поток холодного воздуха, пахнущего чем-то незнакомым: не пылью школы, не мокрым асфальтом, не столовской едой. Там было что-то свежее, как утро, которого ещё не было, и что-то старое, как воспоминание, которого нельзя вспомнить до конца.

А потом – всё сразу изменилось.

Пол ушёл из-под ног, хотя ноги продолжали стоять. Воздух будто растянулся, стал вязким, как тянущийся карамельный ирис. Звук окончательно замедлился: далёкий звонок на урок превратился в один длинный протяжный гул, как если бы кто-то держал последнюю ноту на пианино и никак не мог оторвать пальцы. Серый свет чердака поплыл, вспыхивая то золотистыми, то синеватыми всполохами.

– Не бойтесь, – успел тихо сказать Мистер Секунда. – Это всего лишь граница. Она всегда немного... странная.

Лея сделала шаг вперёд. Или назад. Или в сторону – сложно было понять, куда именно, потому что направление вдруг перестало иметь значение. Взгляд её прыгнул от двери к Артёму, от Артёма к собственным рукам, а потом к чему-то, что вообще нельзя было описать словами. Мир вокруг начал складываться и раскладываться, как бумажный кораблик, который кто-то превращал то в журавлика, то в самолёт, то снова в лист.

Артём, естественно, попытался пошутить, чтобы хоть как-

то удержаться за привычную реальность:

– Если это так выглядит каждый раз, когда ты решаешь поменять мир, я понимаю, почему взрослые предпочитают сидеть на диване...

Но слова вылетели необычно медленно, словно каждый звук был отдельным шариком мыла, который поднимался в воздух и лопался только через пару секунд.

Лея почувствовала, как у неё заложило уши. Сердце билось то слишком быстро, то вдруг замедлялось, подстраиваясь под странный ритм вокруг. Она крепко сжала в руке часы, как якорь. Тепло от Мистера Секунды стало сильнее, плотнее, словно он специально отдавал ей часть своей силы, чтобы она не потерялась в этом между.

– Держись за меня, – успела сказать она Артёму.

Он уже и так держался. Его пальцы вцепились в её рукав так крепко, что ткань чуть не треснула. Но Лее от этого хватания было не страшно – наоборот. Она почувствовала, что они уже не просто «Лея» и «Артём», а как будто один общий шаг в неизвестность.

И вдруг всё стало... тихо.

Не так тихо, как на чердаке. Совсем по-другому. Тишина здесь была не пустой, а наполненной. Как если бы кто-то выключил все привычные звуки, чтобы дать услышать что-то очень-очень далёкое и важное. В этой тишине слышно было, как тикают часы у неё в руке. Каждое «тик» было похоже на лёгкий удар по воде, от которого расходятся круги.

Лея осторожно открыла глаза.

Она стояла не на чердаке. И не в городе. И вообще... не очень понятно где.

Под ногами у неё была не доска, не асфальт, а что-то, напоминающее светлый туман, по которому можно было идти, как по мягкому ковру. Он слегка пружинил, но не проваливался. Вокруг не было стен. И в то же время было ощущение, что они находятся в комнате. Огромной, прозрачной, из воздуха и света.

– Ух ты... – выдохнул Артём. – Лей... мне кажется, мы официально не в расписании уроков.

над ними простиралось небо – но не такое, к которому они привыкли. Оно выглядело как смесь рассвета, заката и ночи одновременно. В одной стороне пламенели розовые полосы, как от восходящего солнца. В другой – небо переливалось фиолетовым и глубоким синим, усыпанным звёздами. А прямо над головой нежно светила полоска, похожая на млечный путь, только гораздо ближе, живее.

Где-то вдаль что-то мерцало, как городские огни ночью, но эти огни были мягче, как дыхание. Они то приближались, то отдалялись, меняя форму, словно пытались вспомнить, какими им быть.

– Это... что? – шепнула Лея, боясь говорить громко, чтобы не потревожить это хрупкое пространство.

– Это... между, – ответил Мистер Секунда. Его голос звучал как-то особенно ясно. – Место между вашим миром и

Городом Чудес. Здесь ничего ещё не стало собой окончательно. Тут живут «почти», «скоро» и «может быть».

– Звучит как моё домашнее задание по математике, – пробормотал Артём. – Вечно «почти сделано» и «может быть сдано завтра».

Часы тихо звякнули – то ли от смеха, то ли от лёгкого раздражения.

– Юмор – неплохой способ не сойти с ума, – признал Мистер Секунда. – Но сейчас всё же советую быть чуть внимательнее. Это место немного... капризное. Если потеряешь себя, оно начнёт подстраиваться под твой страх или под твою усталость. А нам это не нужно.

Лея почувствовала, как слова о «потерять себя» отозвались лёгким холодком в груди. Она слишком хорошо понимала, что значит слово «усталость от мира». Но здесь, среди этого странного неба и мягкого тумана, ей вдруг стало легче дышать. Как будто вместе с воздухом она вдохнула возможность быть не только «правильной». Не только «удобной».

– А ты? – спросила она часы. – Ты здесь был раньше?

– Был, – коротко ответил Мистер Секунда. – Очень давно. Когда дорога между мирами была широкой и по ней постоянно кто-то ходил. Но потом люди стали считать чудеса детской болезнью, которую нужно поскорее перерасти. Дорога сузилась, заросла сомнениями, её почти забыли. Теперь пройти по ней сложнее. Но вы уже сделали половину дела.

– Половину? – взвыл Артём. – А это, по-твоему, что –

пробная версия?

– Это – шаг, – спокойно сказал Мистер Секунда. – Самый важный. Вы ушли из мира, где всё давно решено за вас. Теперь вам придётся решать самим.

Лея сделала ещё один шаг вперёд. Туман под ногами слегка подсветился. На секунду показалось, что прямо под прозрачной поверхностью промелькнуло что-то знакомое: качели во дворе, её комната, окно, за которым серел город. Но стоило моргнуть – вид исчез.

– Тут показывается то, что вы оставили, – пояснил Мистер Секунда. – Чтобы вы могли убедиться: это было. Но теперь не держит вас так крепко.

Артём вдруг застыл.

– Я... вижу наш класс, – тихо сказал он. – Учитель истории опять путает даты. Маша что-то пишет в телефоне. Даня тянет руку, чтоб лишний раз умничать. И я... сижу и изображаю веселье.

– И что ты чувствуешь? – мягко спросила Лея.

Он задумался. На лице у него промелькнули сразу несколько эмоций: лёгкая тоска, раздражение, немного... стыда?

– Чувствую, что... если бы сейчас остался там, то через десять лет, наверное, вспоминал бы это место так, как взрослые вспоминают школу, – будто это было чем-то важным, – медленно произнёс Артём. – А на самом деле это... не всё. Это только кусочек. Маленький.

Лея кивнула. Она понимала это ощущение. Внутри словно стало чуть свободнее. Как будто кто-то расстегнул одну из десятков невидимых пуговиц, которыми мир застёгивал тебя в «правильную форму».

– Ладно, – вздохнул Артём, встряхнулся и показал привычную улыбку. – Раз уж мы официально в «между», предлагаю двигаться в сторону «куда-то». Вечером мне всё равно никто не поверит, где я был.

– Вечером ты, скорее всего, скажешь, что делал уроки, – фыркнул Мистер Секунда. – Люди любят прятать чудеса за скучными фразами. Иди прямо. Туда, где тебя немного страшно, но интересно.

– Прямо – это куда? – моментально уточнил Артём. – Тут вообще всё везде.

– Прямо – это туда, куда тебя тянет сердце, – сказал Мистер Секунда. – Звучит непрактично, но, поверь, куда лучше навигаторов.

Лея остановилась, закрыла глаза и постаралась прислушаться. Не к звукам – их здесь почти не было. Не к тиканию – оно стало фоном. А к тому самому тихому ощущению внутри, которое ещё в их городе шептало, что «что-то не так» и «что-то должно быть иначе». Теперь этот шёпот стал яснее.

Она почувствовала лёгкое притяжение – не вправо и не влево, а будто по диагонали вперёд. Там, вдалеке, среди мерцающих огней, будто появлялся более яркий, тёплый свет. Не ослепляющий, а зовущий. Как окно, за которым кто-то

ждёт.

– Туда, – уверенно сказала она и показала рукой. – Я чувствую.

– Ну, – Артём развёл руками, – раз уж ты у нас главный компас по странным ощущениям, я голосую за этот маршрут.

Они двинулись вперёд. С каждым шагом пространство слегка менялось. Туман под ногами то становился плотнее, то прозрачнее, и иногда сквозь него можно было увидеть вспышки – как будто мелькали чьи-то мечты: мальчик, который играет на сцене; девочка, которая сидит под деревом с книгой; человек, который рисует дом, которого ещё не существует.

– Это всё... чьи-то желания? – удивилась Лея.

– Да, – ответил Мистер Секунда. – Те, что ещё не успели умереть, но уже не находят себе места в вашем мире. Они застряли здесь, в «между». Если Город Чудес совсем исчезнет, им будет некуда прийти.

– Несправедливо, – тихо сказала Лея.

– Поэтому мы и идём, – напомнили часы.

Шаг за шагом свет впереди становился ярче. Не такой, как школьные лампы или фонари во дворе. В этом свете было что-то живое, как в глазах человека, который действительно во что-то верит. Он не просто освещал – он обещал.

В какой-то момент Лея поняла, что тишина вокруг тоже изменилась. В ней появились отголоски звуков: отдалённый

смех, шёпот, словно шелест страниц, тихое пение без слов. И чем ближе они подходили к этому свету, тем больше всё вокруг начинало напоминать не бесформенное между, а... начало чего-то.

– Готовьтесь, – сказал Мистер Секунда, и в его голосе впервые за всё время послышалось волнение. – Сейчас граница закончится. И начнётся сам Город.

– А можно вернуться обратно, если он нам не понравится? – на всякий случай уточнил Артём.

– А вот это зависит не от города, – загадочно произнёс Мистер Секунда. – Это зависит от того, кем вы вернётесь.

Лея сжала его в ладони. Свет впереди разлился так ярко, что пришлось прикрыть глаза.

Следующий шаг был уже не по туману.

И в тот момент, когда они переступили невидимую линию между «почти» и «настоящее», мир вздохнул, наполнился красками, звуками, запахами – и Город Чудес наконец показался им во всём своём странном, потрясающем виде.

Глава 4 – Город, который помнит мечты.

Первое, что Лея слышала, – это музыка. Не такая, которую включают в телефоне или по радио, а живая, будто воздух сам решил петь. Музыка была мягкой, светлой, похожей на дыхание. Она не звучала из колонок, не играла откуда-то конкретно – она была повсюду. В каждом вдохе, в каждом луче света, в каждом шаге.

Второе – свет. Он был не просто ярким. Он был тёплым.

Улицы светились, будто были выложены из сотен тонких золотых нитей. Иногда эти нити переливались, как волны, и казалось, что дорога дышит. От каждой линии света расходились мягкие отблески, и, когда Лея шла, они словно радовались её шагам.

– Ого... – только и смог выдохнуть Артём. – Вот это... не наш город.

Это было мягко сказано. Ничто здесь не было «как дома». Дома не стояли просто рядами – они росли, как живые существа, каждый со своим характером. Один выглядел как огромная книга, страницы которой мерцали окнами. Другой был похож на дом-воздух: его стены казались прозрачными, и внутри свободно плыл свет, словно облака решили поселиться под крышей. Третий дом и вовсе напоминал карусель, и казалось, что если зайти внутрь, можно поехать куда-то очень далеко, даже не делая шагов.

И у каждого дома был свой голос. Один тихо шептал что-то нежное, словно колыбельную. Другой звучал, как весёлый смех. А где-то вдали Лея услышала звонкий звук, похожий на шаги по стеклянному мосту.

– Это... он? – прошептала Лея. – Город Чудес?

– Да, – тихо ответил Мистер Секунда, и в его голосе было что-то похожее на трепет. – Город, который помнит мечты.

И действительно – всё вокруг было соткано из памяти и желания. Вот витрина: внутри не украшения, не игрушки – там мягко мерцали сцены из чьих-то жизней. Девочка, тан-

цующая на большой сцене; мальчик, запускающий бумажный самолёт, который неожиданно превращается в настоящего; старик, который рисует дом своей мечты – и дом оживает под кистью. Лея, не отрываясь, смотрела на эти «витрины воспоминаний», и у неё в груди будто кто-то тихо зажигал огоньки.

– Это... чужие мечты? – спросила она.

– И чужие, и ваши, – ответил Мистер Секунда. – Этот город пропитан тем, о чём люди когда-то смели мечтать. Каждое «я смогу», каждое «а вдруг получится», каждое «когда-нибудь» приходит сюда. Или... приходило.

Артём переводил взгляд с одной улицы на другую и пытался выглядеть невозмутимым, но глаза его сияли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.